

*Любовь Николаевна Викторова,
Евгения Николаевна Викторова*

«Я услышу вас...»

К 100-летию со дня кончины протоиерея
Валентина Амфитеатрова (1836–1908) —
известного московского проповедника,
подвижника благочестия

Протоиерей Валентин Амфитеатров. Фотография 1880-х годов

СВЕТИЛЬНИКИ ВЕРЫ

Фамилия Амфитеатровых дала Русской Православной Церкви целый ряд выдающихся священнослужителей и тружеников на ниве духовного просвещения. Она известна прежде всего благодаря святителю Филарету (1779–1857), митрополиту Киевскому и Галицкому. В последующих поколениях оставили о себе память его племянники: Яков Космич Амфитеатров — профессор Киевской духовной академии, Яков Гаврилович Амфитеатров — будущий архиепископ Казанский и Свяяжский Антоний, Егор Васильевич Амфитеатров — профессор Московской духовной академии¹. Назовем еще архиепископа Полтавского и Переяславского Иоанна, епископа Томского Виталия — также родственников святителя Филарета, принявших монашество по его духовному совету. Достойным представителем династии Амфитеатровых-священнослужителей был и протоиерей Валентин Амфитеатров.

Он родился в селе Высоком Кромского уезда Орловской губернии в семье протоиерея Николая Амфитеатрова, приходившегося племянником вышеупомянутому митрополиту Киевскому и Галицкому Филарету. Мать Валентина также была из священнического рода. В селе стоял храм в честь Покрова Пресвятой Богородицы, где служили несколько поколений Амфитеатровых. Отрочество и юность Валентина Николаевича прошли в бедности. Как сам он вспоминал: «Я учился с сальным огарком и нуждался часто в самом необходимом». В 1847 году мальчика отдали в Орловскую духовную семинарию, через шесть лет он был переведен в Киевскую. В 1854 году Валентин Николаевич поступает в Московскую духовную академию и после ее окончания в 1858 году назначается инспектором и учителем Калужского духовного училища, а через год — учителем истории и греческого языка Калужской духовной семинарии. Здесь он подружился со своим учеником — сыном священника Александром Чупровым. Одна из сестер Александра, Елизавета, стала супругой Валентина Николаевича. Бракосочетание состоялось 17 июля 1860 года. 14 сентября того же года Валентин Амфитеатров был рукоположен архиепископом Тульским Алексием (Ржаницыным) во диакона, а на следующий день — во иерея.

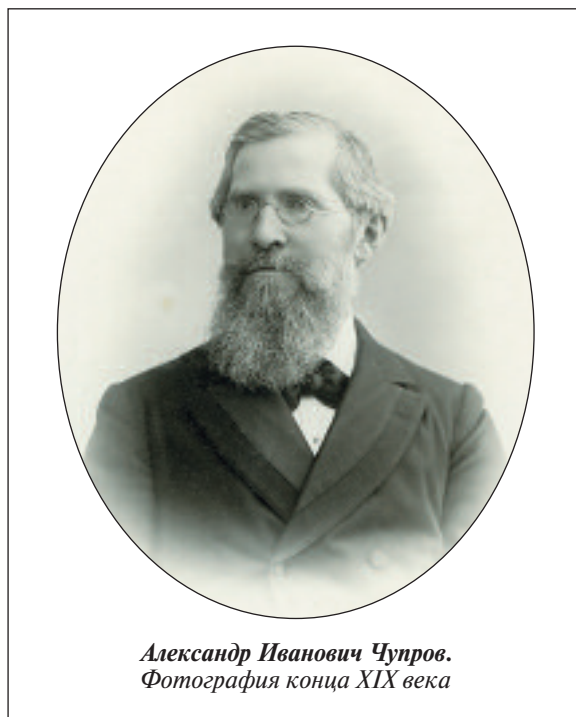
Служение отца Валентина началось в храме Благовещения Пресвятой Богородицы, и вся его последующая пастырская деятельность проходила под сенью чудотворных икон Божией Матери, которую он особо чтит.

Вскоре молодого священника перевели в кафедральный собор города Лихвина Тульской губернии (с 1944 года — город Чекалин Тульской области). Затем некоторое время он

Портрет митрополита Киевского и Галицкого Филарета (Амфитеатрова). Литография П. Ф. Бореля. Первая половина XIX века

ФАМИЛИЯ АМФИТЕАТРОВЫХ ДАЛА РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ЦЕЛЫЙ РЯД ВЫДАЮЩИХСЯ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕЙ И ТРУЖЕНИКОВ НА НИВЕ ДУХОВНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ. ОНА ИЗВЕСТНА ПРЕЖДЕ ВСЕГО БЛАГОДАРЯ СВЯТИТЕЛЮ ФИЛАРЕТУ (1779–1857), МИТРОПОЛИТУ КИЕВСКОМУ И ГАЛИЦКОМУ.

Александр Иванович Чупров. Фотография конца XIX века

был смотрителем духовного училища в городе Мещовске Калужской губернии. Неоднократно удостоивался благодарностей и наград, а в 1866 году епископ Калужский Григорий (Миткевич) возвел его в сан протоиерея.

В 1874 году протоиерея Валентина Амфитеатрова назначили настоятелем московского

Настоятель подворья афонского Свято-Пантелеимонова монастыря в Москве иеросхимонах Аристоклий (Амвросиев). Б/д

БАТЮШКА ПРОЧИТЫВАЛ СОТНИ ЗАПИСОК О БОЛЯЩИХ, СКОРБЯЩИХ, ОЗЛОБЛЕННЫХ, О УПОКОЕНИИ УМЕРШИХ, И КОГДА ПРОИЗНОСИЛ ИМЕНА, ЧУВСТВОВАЛОСЬ, ЧТО ОН ГОРЯЧО МОЛИТСЯ ЗА КАЖДОГО ЧЕЛОВЕКА.

храма святых равноапостольных Константина и Елены, расположенного на территории Кремля в Тайницком саду. На протяжении восемнадцати лет отец Валентин ежедневно служил литургию один, без диакона. Далее совершалось моление с акафистом перед чудотворным образом Божией Матери «Нечаянная Радость», а затем панихида. Батюшка прочитывал сотни записок о болящих, скорбящих, озлобленных, о упокоении умерших, и когда произносил имена, чувствовалось, что он горячо молится за каждого человека. Служба, начинавшаяся в девятом часу утра, заканчивалась далеко за полдень. После этого множество людей всех возрастов, сословий и званий еще подходило к пастырю за советом, помощью.

В 1880 году отец Валентин овдовел. Заботу о четверых его детях взяла на себя сестра покойной матушки Мария Ивановна Чупрова.

Валентин Николаевич Амфитеатров был широко образованным человеком: в совер-

шенстве знал около десяти иностранных языков, писал труды по истории богословия, составлял проповеди, толкования и поучения. Из всего этого увидела свет лишь незначительная часть. Посмертно было опубликовано несколько сборников проповедей и вторая часть «Очерков из библейской истории Ветхого Завета» (первая часть вышла при жизни автора). Дальнейшим публикациям помешала революция; оставшиеся у дочерей рукописи погибли во время пожара в 1970 году.

Отец Валентин живо интересовался последними достижениями в педагогике и медицине, новостями литературы и искусства. Он был близок с настоятелем подворья афонского Свято-Пантелеимонова монастыря в Москве иеросхимонахом Аристоклием (Амвросиевым, 1846–1918)². В круг его дружеского общения входили известные адвокаты А. Ф. Кони и С. П. Остроумов, историк профессор Н. В. Сперанский, выдающийся педагог А. Д. Алферов, экономист-социолог профессор А. И. Чупров и многие другие. Однако главным, что привлекало к нему сердца множества людей, оставалось, конечно, пастырское служение, за которое он удостоился всеобщей любви и признания выдающихся православных подвижников: так, святой праведный Иоанн Кронштадтский считал протоиерея Валентина Амфитеатрова «великим пастырем». Сам же отец Валентин говорил: «Если ты пастырь, то ты наставь, убеди, укрепи, ободри, раньше всех встань, позже всех ляг, заботься о своей пастве, молись за нее горячо, долго молись, а о себе помолись после, если ты служишь, то служи благоговейно, со страхом и верой»³.

Судя по редким сохранившимся фотографиям и воспоминаниям современников, был он высокого роста, статный, с волнистыми ниспадающими на плечи темно-каштановыми волосами. Особенное впечатление производили его глаза — темные, глубокие, как бы проникающие в душу. Глаза эти ласкали и согревали страждущих, давали им надежду и успокоение, но становились требовательными и непреклонными, когда взывали к молящимся об исполнении ими своего христианского долга, увещевали упорствовавших в греховных заблуждениях.

Небольшая церковь святых равноапостольных Константина и Елены до прихода в нее отца Валентина известностью в Москве не пользовалась. Как уже говорилось, он начал ежедневно служить литургию, часто в полупустом храме. Однако вскоре прихожане почувствовали здесь особую атмосферу сердечности и теплоты, установившуюся с появлением нового священника. Он неустанно подчеркивал всемогущество искренней молитвы. «Молитва необходима для каждого человека, будем же

СВЕТИЛЬНИКИ ВЕРЫ

*Протоиерей Валентин
Амфитеатров с супругой
Елизаветой Ивановной
и сыном Александром.
Фотография 1867 года.
Публикуется впервые*

*Александр Валентинович
Амфитеатров, сын.
Фотография 1880-х годов*

*Александра Валентиновна
Амфитеатрова, дочь.
Фотография 1886 года*

*Любовь Валентиновна
Амфитеатрова, дочь.
Фотография 1899 года*

*Вера Валентиновна
Амфитеатрова, дочь.
Фотография 1898 года*

СВЕТИЛЬНИКИ ВЕРЫ

молиться, праведны мы или грешны. Для того, чтобы Господь услышал молитву, нужно, чтобы она была чиста как бриллиант»⁴. Икона Божией Матери «Нечаянная Радость» — покровительница храма — была установлена на самом видном месте, перед ней стали ежедневно совершаться молебны и чтение акафиста. Число прихожан быстро возрастало. Слух об отце Валентине распространился по всей Москве, а затем и за ее пределами. Современники отмечали: «Одно его молитвенное возношение способно <...> озарить душу пламенной верой и надеждой, смягчить сердца окружающих»⁵. В народе храм святых равноапостольных Константина и Елены прозвали храмом «Нечаянной Радости».

В 1892 году отца Валентина перевели настоятелем Архангельского собора Московского Кремля. Здесь все было по-другому. Скучное освещение, старинные иконы, тонущие во мраке, гробницы царей и князей, мощи

святых угодников. Строгость, величавость, официальность... Новый настоятель положил немало трудов, чтобы и в этом соборе воцарились душевность и теплота, существовавшие в Константино-Еленинском храме. Чудотворный образ Божией Матери «Благодатное Небо» ярко осветили, перед ним также стали совершаться каждодневные молебны.

С особой строгостью отец Валентин относился к таинству исповеди. Он считал личное раскаяние главным средством освобождения от греха, излечения и очищения души и тела. В необходимых случаях — младенцам, больным, заблудшим — советовал причащаться как можно чаще, иногда даже ежедневно; вместе с тем к подготовке к этому таинству проявлял большую требовательность, подвергая людей испытанию, а иных не допуская к исповеди у себя более года. Желающих же исповедоваться у него было великое множество. Отвечая на настойчивые просьбы прихожан,

Протоиерей Валентин Амфитеатров. Фотография 1888 года

он говорил: «Я тех беру, кого Бог велит». На исповеди часто спрашивал: «Всех любишь, всех прощаешь?»

Внук первого тенора хора Архангельского собора Серафим Иванович Лисицын вспоминает рассказ своего деда: «Во время причащения Св. Таинств батюшка Валентин причащал не всех. Некоторых посылал он постоять рядом с певчими. Люди шли, но недоумевали. Пастырь потом подходил к ним и объяснял, что не мог причастить их потому, что они забыли покаяться на исповеди другому священнику в своих грехах. Грехам этим иногда было много лет, и причастники давно забыли о них. Они каялись, после чего пастырь совершал причастие»⁶.

Духовная дочь отца Валентина А. И. Зерцалова пишет: «Однажды [к нему] пришла молодая женщина. Она работала фельдшерницей в одной из городских клиник. С нескрываемым вызовом она сказала: «Я ведь не верю в Бога. Вот уже 20 лет я не говела. Ничего я не признаю!» На это пастырь ответил: «А теперь Вы будете верующей, полюбите Бога, будете ходить в храм Божий и умрете в монастыре». — «Никогда этого не будет, — ответила женщина. — Я ничему не верю!» Пастырь не стал ее переубеждать, а ласково благословил. Долго и неустанно молился он о спасении ее души. Прошло какое-то время, и вдруг эта женщина стала приходить в храм. Каждый раз она получала благословение о. Валентина, вскоре она пришла на исповедь и чистосердечно раскаялась в своем неверии. В дальнейшем эта женщина стала самой преданной духовной дочерью пастыря. С величайшей готовностью она исполняла все его поручения: вызывала нужных врачей, ухаживала за тяжелобольными. После смерти о. Валентина она поступила в монастырь, где и скончалась. Так исполнилось предсказание пастыря»⁷.

Проповеди отца Валентина были проникновенны, просты и при всей их глубине доступны каждому. «Нам необходимо, — говорил он, — исцеление; мы можем теперь сознаться, что мы больны, больны неверием, больны сомнениями, а главное, больны своими страстями, которые губят нас»⁸. Христианство предполагает в первую очередь человеколюбие во всех его проявлениях. «Но как многие лишены этого чувства!» Благотворительность? Однако «хотя [она] сильно распространена сегодня, любовь к ближнему от этого ничуть не подвинулась вперед, так как наша благотворительность мертва»⁹. Призывы к конкретной помощи людям подкреплялись реальными действиями. Отец Валентин организовал хорошо продуманную и отлаженную систему оказания разносторонней поддержки нуждающимся. Его паства состояла из пред-

ставителей различных сословий, с разным уровнем образования и благосостояния, однако являлась одной большой семьей, в которой каждый по мере сил и возможностей помогал другим. Сиротам подыскивались семьи; бездомных, сбившихся с пути, потерявших работу устраивали на фабрики, в мастерские; больных помещали в больницы; нуждающимся в уходе нанимали сиделок; в судебной защите — адвокатов. Все это делалось добровольно и бесплатно под неусыпным контролем отца Валентина, который тратил немало и своих собственных средств «на помощь и поддержку бесчисленной бедствующей братии»¹⁰.

Между тем сам батюшка уже несколько лет страдал тяжелой болезнью, в конце концов приведшей к полной слепоте. Можно себе представить, какой трагедией явилась для отца Валентина потеря зрения. Ведь еще в те годы, когда ничто не предвещало несчастья, он в одной из своих проповедей, рассказывая

**СЛУХ ОБ ОТЦЕ ВАЛЕНТИНЕ
РАСПРОСТРАНИЛСЯ ПО ВСЕЙ МОСКВЕ,
А ЗАТЕМ И ЗА ЕЕ ПРЕДЕЛАМИ.
СОВРЕМЕННОКИ ОТМЕЧАЛИ:
«ОДНО ЕГО МОЛИТВЕННОЕ ВОЗНОШЕНИЕ
СПОСОБНО <...> ОЗАРИТЬ ДУШУ
ПЛАМЕННОЙ ВЕРОЙ И НАДЕЖДОЙ,
СМЯГЧИТЬ СЕРДЦА ОКРУЖАЮЩИХ».**

об исцелении Спасителем слепого, говорил: «Слепой был именно страдалец: он страдал ужасно, так как у него не было самого важного из пяти чувств — зрения, и он чувствовал, что его физические силы как бы скованы цепью, ум его тоже был почти без деятельности и мог только ограничиться умственным мирозерцанием»¹¹. Отец Валентин словно предвидел свою судьбу. Служить он, увы, уже был не в состоянии, но мощью духа преодолел ниспосланное испытание. Остался пастырем! Как и прежде, непрерывным потоком шли к нему люди. «Слабый, сильно похудевший, с потухшими глазами, он являлся могучей духовной силой, когда начинал произносить дивные слова утешения и назидания»¹².

А болезнь все прогрессировала. Вскоре отец Валентин уже не мог без посторонней помощи выходить к посетителям, тем не менее часто заранее «по особому откровению свыше предвидел, кто, с какими нуждами и недоумениями придет к нему, о чем будет просить и беседовать»¹³. Позже на эти беседы отца

СВЕТИЛЬНИКИ ВЕРЫ

Валентина выносили в кресле. Последний раз — за два дня до кончины, последовавшей 20 июля 1908 года (по старому стилю), в день памяти пророка Илии. Печальная весть быстро распространилась по Москве. 22 июля гроб с телом почившего при большом стечении народа перенесли в приходскую церковь святителя Николая чудотворца на Щепках. По словам А. И. Зерцаловой, «о. Валентин лежал в гробу как живой — ясный и лучезарный». На другой день похоронная процессия, следовавшая за гробом, заполнила все улицы от Кудринской площади до Ваганьковского кладбища, где отца Валентина погребли по его просьбе в необычно глубокой могиле. На могиле был водружен большой дубовый крест.

РАССКАЗЫВАЛИ, ЧТО НЕЗАДОЛГО ДО СМЕРТИ ОТЕЦ ВАЛЕНТИН ЗАВЕЩАЛ ПАСТВЕ: «КОГДА УМРУ, ИДИТЕ НА МОЮ МОГИЛУ И ПОВЕДАЙТЕ МНЕ СВОИ БЕДЫ И ЖЕЛАНИЯ. Я УСЛЫШУ ВАС». ТАК И СЛУЧИЛОСЬ. ПОТОК ПРИТЕКАЮЩИХ К МОГИЛЕ ВОЗРАСТАЛ С КАЖДЫМ ДНЕМ; НЕРЕДКИ БЫЛИ СЛУЧАИ ДУШЕВНОГО И ТЕЛЕСНОГО ИСЦЕЛЕНИЯ.

Рассказывали, что незадолго до смерти отец Валентин завещал пастве: «Когда умру, идите на мою могилу и поведайте мне свои беды и желания. Я услышу Вас»¹⁴. Так и случилось. Поток притекающих к могиле возрастал с каждым днем; нередко были случаи душевного и телесного исцеления, свидетельство о которых собрала А. И. Зерцалова. Именно ей мы обязаны многими дошедшими до нас фактами биографии протоиерея Валентина Николаевича Амфитеатрова. Будет несправедливо не сказать здесь хотя бы несколько слов об этой незаурядной женщине.

Анна Ивановна Зерцалова родилась в Москве в православной семье, получила хорошее образование; многие годы преподавала Закон Божий, географию, иностранные языки. Услышав однажды проповедь отца Валентина, она испытала такое потрясение, что с того дня и до конца жизни осталась преданной и верной его почитательницей, «всецело отдавшись под благодатное руководство этого пастыря, <...> так как он был удивительный проповедник и указатель велений Божиих»¹⁵. Со временем Анна Ивановна начала записывать проповеди протоиерея Валентина и впоследствии часть их опубликовала. Издавать же книги о нем оказалось сложнее. Первая рукопись Зерцаловой, переданная в Московский духовный цензурный комитет, возвратилась с ответом: «Вы описываете такие великие чудеса, которые мог совершить только преподобный Серафим, а не обыкновенный священник,

Похороны отца Валентина. Фотография 1908 года

СВЕТИЛЬНИКИ ВЕРЫ

а потому разрешить для печати Вашу рукопись мы не можем»¹⁶. Тогда по совету владыки Трифона (Туркестанова) книга была направлена в Санкт-Петербург Главному цензору Духовно-Цензорного комитета архимандриту Александру — настоятелю Александро-Невской лавры, который благословил эту, а также последующие публикации.

А. И. Зерцалова являлась ближайшей помощницей пастыря во всех его деяниях. После кончины отца Валентина их духовная связь не прервалась. Живя рядом с Ваганьковским кладбищем, Анна Ивановна ежедневно навещала родную могилу. В 1920-х годах начались гонения на Церковь, не обошедшие стороной и Зерцалову. У нее отняли дом, лишили прописки и паспорта. Последние годы своей жизни она, больная и измученная, была вынуждена скитаться по знакомым и зарабатывать на пропитание случайными частными уроками. Когда-то отец Валентин предсказал своей духовной дочери уход из жизни «в неизвестность, в никуда». И вот в ненастный осенний день 1937 года, когда Москву неожиданно окутал густой туман, Анна Ивановна вышла из дома и больше не вернулась...

Только в наше время стало известно, как закончилась ее земная жизнь. 27 октября 1937 года А. И. Зерцалову арестовали и заключили в Бутырскую тюрьму, обвинив в том, что она, активная участница церковно-монархической группировки, в контрреволюционных целях «прославляла могилу умершего попа

Могилу отца Валентина в Москве на Ваганьковском кладбище до ее разрушения. Фотография 1914 года

Икона новомученицы Анны Зерцаловой

Амфитеатрова», на которой для привлечения паломников «инсценировала чудеса». Далее последовал расстрел на Бутовском полигоне¹⁷. Юбилейный Архиерейский Собор 2000 года причислил Анну Зерцалову к лику новомучеников и исповедников Российских.

До поры до времени могила отца Валентина оставалась нетронутой. Слава о чудодейственном месте на Ваганьковском кладбище росла и ширилась. Не только верующие из Москвы, но и страждущие из других городов России стремились сюда. Все это в те времена, естественно, не могло быть терпимо. Стали предприниматься попытки уничтожения могилы. Неоднократно разрушали могильный холм, выворачивали из земли и ломали крест. Но родственники и духовные дети отца Валентина неизменно водружали крест обратно. В конце 1930-х годов «воинствующие безбожники», объявив могилу «рассадником антисанитарии», взялись обливать ее дезинфицирующим раствором, обнесли колючей проволокой, сломали ограду и уничтожили крест (а также кресты, венчавшие находящиеся здесь же захоронения родственников отца Валентина). Осквернители попытались даже извлечь останки пастыря, однако, начав копать, столкнулись с тем, что, несмотря на сухой грунт вокруг, вырытое углубление быстро заполняется водой (провидел, видимо, отец Валентин и это, когда просил сделать могилу глубже обычного!). Тогда углубление забросали кусками цемента и кирпичами, а к могиле

СВЕТИЛЬНИКИ ВЕРЫ

Панихида на символической могиле отца Валентина. Фотография 2002 года

приставили охранника. И все равно люди продолжали приходить сюда и издали поклоняться ей.

Когда-то отец Валентин предсказывал, что после смерти будет лежать «с воинами». И это предсказание сбылось. После Великой Отечественной войны на кладбище появился воинский мемориал. Одна из надгробных плит была избрана верующими для поминания пастыря, так как предположительно находилась недалеко от его могилы.

В 1990 году по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Пимена родственниками отца Валентина была восстановлена его символическая могила вблизи

предполагаемого места погребения и водружен скромный крест из светлого камня. 3 марта 1991 года могилу освятил настоятель храма Воскресения Слодушего протоиерей Валентин Парамонов; здесь стало совершаться поминовение протоиерея Валентина Амфитеатрова. В 1997 году рядом с надгробной плитой мемориала, куда много лет приходили почитатели отца Валентина, установили еще один крест. Светлая память о «великом пастыре» продолжает жить в сердцах людей, а его духовная сила — исцелять их души. И они с верой и упованием ждут того дня, когда протоиерей Валентин Амфитеатров, уже давно чтимый народом, будет прославлен.

¹О нем см.: «Московский журнал». 2007. № 11. С. 10.

²Ныне прославлен в лике местночтимых святых.

³Духовные поучения. Проповеди прот[оиерея] В. Н. Амфитеатрова, бывшего настоятеля придворного Архангельского собора, записанные с его слов одной из его духовных дочерей. М., 1916. С. 120.

⁴Там же. С. 35–36.

⁵Зерцалова А. И. Истинный пастырь Христов (Жизнь и деятельность бывшего настоятеля Московского придворного Архангельского собора прот[оиерея] В. Н. Амфитеатрова). М., 1910. С. 21.

⁶Александрова Г. «Я плакал о всяком печальном». М., 2006. С. 56.

⁷Зерцалова А. И. Великий подвижник — отец Валентин. Рукопись. 1928.

⁸Проповеди прот[оиерея] В. Н. Амфитеатрова... С. 174.

⁹Там же. С. 120.

¹⁰Зерцалова А. И. Мой дневник после смерти батюшки. Рукопись. С. 80.

¹¹Проповеди прот[оиерея] В. Н. Амфитеатрова... С. 28.

¹²Зерцалова А. И. Подвижник веры и благочестия. М., 1914. С. 13.

¹³Там же.

¹⁴Она же. Краткое описание выдающейся пастырской деятельности бывшего настоятеля Московского придворного Архангельского собора протоиерея В. Н. Амфитеатрова. М., 1910. С. 86–87.

¹⁵Проповеди прот[оиерея] В. Н. Амфитеатрова... Предисловие.

¹⁶Зерцалова А. И. Как я обрела веру. Рукопись. С. 6.

¹⁷Игумен Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Т. VI. Тверь, 2002. С. 367–372.

От редакции

В качестве приложения к статье о протоиерее Валентине Амфитеатрове мы впервые публикуем фрагменты воспоминаний трудницы (на протяжении многих лет) Свято-Троицкого Серафимо-Дивеевского монастыря Аллы Васильевой. Стремясь сохранить присущую этому тексту «разговорную» непосредственность и искренность, мы оставили его практически в первозданном виде, подвергнув лишь минимальной редакторской правке.

Моя бабушка Мария Тимофеевна Державина родилась в 1888 или в 1886 (она точно не помнила, в каком) году в Москве, жила на Тверской улице. Она была очень набожной, постоянно ходила в церковь, позже водила и нас — троих внучек; перекрестила всех детей нашей улицы, хотя это тогда запрещалось, и еще делала много других благочестивых дел и ничего не боялась. Мария Тимофеевна была очень больна — тридцать лет до самой смерти страдала бронхиальной астмой, всегда задыхалась.

<...> Я думаю, что моя бабушка стала глубоко верующим человеком потому, что, по милости Божьей, в ее жизни был батюшка отец Валентин [Амфитеатров]. Она сподобилась ходить в храм, где он служил, видеть его, слушать его проповеди и даже однажды пообщаться с ним при необычных обстоятельствах.

<...> Когда бабушке было двенадцать лет, с ней произошло удивительное событие в соборе в Кремле — в каком именно, она не говорила, но думаю, что в Архангельском, ведь именно в нем служил отец Валентин. Однажды после богослужения батюшка вдруг громко сказал с амвона: «Мария, дай мне руку». Все в храме молчали, не двигаясь и не отвечая, — не знали, к кому обращался священник. Батюшка повторил: «Мария, дай мне руку!» Никто не откликнулся и на этот раз, и тогда сам отец Валентин пошел к выходу. Все перед ним расступились. В конце собора стояла незнакомая до того момента батюшке девочка Мария — моя бабушка, к ней-то он и подошел и опять сказал: «Мария, дай мне руку». Священник протянул девочке маленький образок Божией Матери «Знамение» со словами: «Мария, молись этому образу, и все дастся тебе», — и отошел. Изумленная девочка прижала иконку к груди и уже больше никогда не расставалась с ней. До последнего вздоха иконка всегда была у нее на груди вместе с крестом. Умирая (ей тогда было 79 лет), она отдала эту иконочку мне, своей любимой внучке: как чувствовала, что я под конец своей жизни в Дивеево буду чуть ближе к Богу, чем в Москве, которую я навсегда оставила.

Бабушка просила меня никогда с иконочкой не расставаться. В ее трудной жизни было столько чудес, что все не упомянуть и не рассказать. Сколько раз Матерь Божия спасала бабушку от верной гибели, да и меня впоследствии тоже! А чаще всего по молитве к этой иконочке возвращались краденые, потерянные, оставленные по невнимательности и забывчивости вещи — это я испытала уже и на себе. Что помню, расскажу.

*Мария Тимофеевна Державина
с дочерью Екатериной. Фотография 1911(?) года*

СВЕТИЛЬНИКИ ВЕРЫ

Во время войны мы, маленькие три сестры, жили в эвакуации где-то на Урале с бабушкой без папы и мамы. Жили плохо, голодно. Однажды бабушка пошла на рынок, чтобы продать новые папины кирзовые сапоги и купить нам что-нибудь поесть, а сапоги у нее украли. Горю и отчаянию не было конца, бабушка не могла себе представить, как возвратится домой к голодным детям с пустыми руками. Она стала усиленно молиться Божией Матери, обращаясь к своей иконке, которая всегда была у нее на груди в мешочке. Молилась долго, ходила, искала, плакала, и вдруг подбегает к ней пьяный мужчина и с руганью возвращает ей папины сапоги: «На, на, возьми, только отстань от меня, не мучай!» Швырнул и убежал. Разве не чудо?

Еще у бабушки как-то украли на перроне чемодан. Тоже была в сильном отчаянии, долго стояла, плакала и молилась своей иконочке. А когда отошли от станции все поезда и разошлись люди, на пустом перроне увидела чемодан...

Удивительно, как батюшка Валентин провидел, что та девочка, которую он благословил образом, будет действительно Божьим человеком, борцом за веру Христову. Как я уже говорила, она никого и ничего не боялась, спорила с агитаторами, доказывая, что Господь есть наш Спаситель, и часто силою своей убежденности заставляла поверить в Бога и атеистов. <...> Я в детстве мало что понимала, а стала взрослой — и не перестаю удивляться: как тогда бабушку не забрали? Это все по молитвам батюшки Валентина, который, видимо, охранял, помогал духовно своей «девочке Марии». Да и всех нас троих — Аллу, Елену, Людмилу — по-видимому, не оставлял: прожили мы, не тронутые ни тюрьмами, ни войнами, и все пришли к Богу. Слава и благодарение Ему за все.

У меня в жизни по молитвам к этой чудотворной иконочке было тоже много чудес. В молодости я посещала по абонементу плавательный бассейн, и вот однажды там у меня исчезла сумочка, а в ней находились все документы: паспорт, пропуск, форма № 1 (учреждение, где я работала, было секретным), две зарплаты — моя и больной сотрудницы, которой я должна была деньги домой занести. В общем, это была такая трагедия — не передать: тут грозило и увольнение, и статья за халатность... Я искала сумочку, плакала, бегала по этажам, в администрацию. Муж приехал за мной, я его отправила домой (там дети), а сама осталась. Спряталась под лестницей, молилась одна ночью в запертом темном здании. Никто и ничем мне не мог помочь. Просила помощи у иконы Божией Матери «Знамение». Уже силы меня почти покинули, когда я медленно, не знаю уж в который раз, почему-то стала подниматься на второй этаж к комнате, где передевалась перед входом в бассейн. Постучала опять в эту дверь; к моему удивлению, зажегся свет, вышла какая-то темная растрепанная и возбужденная женщина, у которой в руках была моя сумочка! Толкая ею меня в грудь, женщина прокричала: «На, бери, там все цело, я ничего не взяла, только не мучай меня, уходи!» Она даже отказалась взять деньги в благодарность за возвращенную сумку — хлопнула дверью и все. Я так и спустилась спиной по стене на пол, не в силах сразу осознать и перенести случившееся. Потом нашла дежурную, та открыла мне дверь, и я ночью, измученная, но счастливая, не помню как добралась домой...

Однажды, я ехала на дачу к детям и на скамейке многолюдной пригородной платформы «Выхино» забыла рюкзак: взяла только большую сумку, села в электричку и уехала и лишь в пути обнаружила, что рюкзак забыла. Ужас охватил

меня — в рюкзаке было много ценного для нас. Пришлось возвращаться — почти без надежды: поезда ходят редко, времени пройдет много, людей на перроне тьма... И я сидела в поезде и молилась Божией Матери, своей иконке «Знамение», надеясь только на чудо. И оно опять произошло! Еще подъезжая к платформе, я увидела через окно на совершенно пустом перроне на лавке свой одиноко лежащий ярко-голубой рюкзак. И от счастья заплакала.

В Дивееве мы держали две-три козочки. Козье молоко было очень полезно нашим неокрепшим деткам. Козы ходили в стадо и несколько раз домой не возвращались, пропадали. Плохо за ними пастухи следили, большие коров берегли. Дети иногда до ночи их искали. А я сразу на колени — и акафист Божией Матери «Знамение» читать со слезами. Как дочитаю до седьмого икоса, так детки возвращаются с козой. И так три раза, и именно на седьмом икосе почему-то!

А про самое страшное и забыла. Лет пятнадцать назад я по туристической путевке поехала на две недели в Карелию. Там в лесах было очень много грибов, до которых я большая охотница. Всегда в лес ходили небольшими группками, а тут я как-то одна пошла, вроде недалеко от нашей базы. В лесу вдруг увидела двух молодых мужчин без корзин. Они заметили меня и пошли в моем направлении. Сначала я не сообразила, не поняла, что меня ждет, стою как вкопанная. Потом опомнилась и побежала, а они за мной. У меня на груди была моя иконка, я как про себя вскрикну: «Матерь Божия! Спаси меня!» И молюсь, молюсь на бегу. С полным ведром грибов (даже в минуту опасности не могла бросить грибочки, Господи, прости!) в мои пятьдесят лет, с большим сердцем, я бежала, не помня себя, и только молилась. Кровь в голову ударила. Сердце колотилось. Остановлюсь, услышу топот сапог — и опять бегом вперед. Только чудо могло спасти меня! Даже не помню, как от них оторвалась; топот уже стих, потом исчез, а я все бежала и бежала. До базы добежала — рухнула. Как я сумела спастись — до сих пор не пойму, помирскому. А дело было в Успенский пост, там даже церкви не оказалось, куда нас привезли, и мы все за грибами — вместо церкви. Вот Матерь Божия и наказала меня страшным испугом, но пощадила за молитвы мои.

<...> Можно вспомнить еще очень много чудес по молитвам к иконке «Знамение», но, пожалуй, опишу последнее, так как получила в жизни одно из самых сильных потрясений после его свершения. Я очень много ездила — и в командировки, и в отпуск — и обязательно брала с собой эту иконку. Она у меня находилась в маленькой подушечке, с которой в поездках я не расставалась: так как у меня был плохой сон, я клала подушечку на ухо и только тогда засыпала. И вот однажды вернулась с вокзала домой — а подушечки-то моей и нет! Я ее забыла в поезде, даже смутно помнила, где — на поднятой верхней полке. Но это было еще ничего. Ужас меня охватил, когда я поняла, что я лишилась бабушкиной иконки, бабушкиного благословения! Не уберегла! Нет мне прощения! Почему я не на груди ее носила? Стеснялась... Я обратилась в бюро находок, бессмысленно перетряхивала все вещи в чемодане и, потеряв последнюю надежду, начала слезно молиться, просить Господа и Божию Матерь вернуть мне мое сокровище. <...> Потом опять начала поиски. Залезла на стеллаж, достала пустой чемодан, открыла его, а там — в совсем пустом чемодане — лежит иконка моя!

Конечно, будь моя вера сильнее, я бы такого потрясения не испытала. Если Господь мертвых воскрешал, то уж... Я думаю, что этими чудесами Спаситель как раз и укреплял во мне веру, которая в конце концов и привела меня в святое Дивеево. А всему этому исток — встреча маленькой девочки Марии в конце девятнадцатого века с подвижником Христовым, добрым прозорливым батюшкой протоиереем Валентином.

Дивеево, 12 марта 2006 года

Материал предоставлен Еленой Александровной Амфитеатровой